

Наима Нефляшева¹

Имамы на Северном Кавказе: опыт изучения «сословия» (на материале Республики Адыгея)

Аннотация: Статья посвящена изучению имамов как сословия на материале Республики Адыгея. Большое значение имеет рассмотрение политики государства по формированию лояльных имамов, интегрированных в Духовные управления. Однако ставка только на тех имамов, которые работают в ДУМах, не отвечает вызовам, стоящим перед духовным сословием на Северном Кавказе в начале XXI в. В 1990-х гг. сложилась целая группа имамов, придерживающихся салафизма, не интегрированных в ДУМы, но имеющих большой авторитет у единоверцев. Автор приводит данные о количественном составе имамов в Адыгее, предлагает их классификацию. Подчеркивается, что авторитет имамов в регионе для мусульман безусловен. На Северном Кавказе претерпевает динамику представление о возрасте и о самой категории «старшие мужчины». Для религиозной молодежи большим авторитетом будут религиозные деятели, возраст которых неважен, зато важны знания и лидерские качества, которыми могут обладать и ровесники «молодых мусульман». Для небольшой части молодых мусульман авторитетами являются не имамы в своей мечети, а исламские ученые, которые могут находиться за тысячи километров от них, так называемые «электронные имамы».

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Северный Кавказ, имамы, Республика Адыгея, салафизм, Духовные управления мусульман.

Naima Neflyasheva. IMAMS IN NORTHERN CAUCASUS: STUDING "THE CLASS" (EXPERIENCE OF REPUBLIC OF ADYGEA)

Abstract: Paper examines the Imams as class in the Republic of Adygea. Author draws attention that the state is making great efforts regarding the formation of a new generation of loyal Imams. However, the State

¹ Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (г. Москва, Россия).

supports only on those imams who work in Muftiates. Imams in the North Caucasus can be divided into three groups. The first and second are incorporated into the official Muftiate. The first group – so called traditional Imams, they as a rule did not receive special education, and they are mainly engaged in appreciation of ritual practices. The second group – young (30-35) imams, who were educated abroad, usually in Egypt, Turkey and the UAE. Some imams in the Adygea have descendants of Muhajirs arriving home from Syria, Kosovo and Turkey in the 1990. The third group – the Salafi imams, are beyond the control of the Muftiates. This group is very influential in Daghestan. The author emphasizes that the authority of the Imams is not absolute. Now in the North Caucasus representation of the age is in dynamics. For religious youth are highly respected religious leaders, whose age is not important. For the part of young Muslim Islamic scholars and those who may be thousands of miles away from them, so-called “electronic Imams” has more authority than Imam in the local mosque. Deserves special attention the phenomenon of youth Jamaat. The influx of young people these Jamaat rather expresses their protest against the modern orders of the North Caucasus.

Key words: Islam, Muslim, Northern Caucasus, Imams, Adygeya Republic, salafi, Muftiates.

Имамы на Северном Кавказе – это специфическая группа, которая еще не стала объектом специального изучения. В то же время в историографии есть работы, позволяющие говорить об изучении опосредованно связанных с этой темой сюжетов. Это, прежде всего, работы А.В. Малашенко [Малашенко, 2001], Э.Ф. Кисриева [Кисриев, 2004], Д.В. Макарова [Макаров, 2000], И.П. Добаева [Добаев, 2008] о динамике ислама на Северном Кавказе в постсоветский период; А.А. Ярлыкапова [Ярлыкапов, 2003]. и С.И. Аккиевой [Аккиева, 2009] о мусульманском образовании на современном Северном Кавказе; Д. Саграмосо [Sagramoso, 2009] о радикальных проявлениях ислама на Северном Кавказе и т. д.

Исследование данной темы будет носить комплексный и полидисциплинарный характер, его составляющими должно стать изучение возрастного состава, уровня образования, функций имамов, их участия в хадже, строительстве мечетей и благотворительных проектах. Также необходим анализ печатной продукции имамов и исследование содержания и пафоса их пятничных хутб, а также экономического аспекта функционирования «сословия имамов».

В данной статье я хотела бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты этой темы, а именно на то, что думают сами имамы о своей миссии; каковы ожидания верующих от имама; безусловен ли авторитет современного имама среди других религиозных авторитетов?

Источниками исследования стали глубинные интервью, проведенные в 2012-2013 гг. с имамами и «прихожанами» Соборной мечети г. Майкопа Республики Адыгея.

На Северном Кавказе существуют различные мазхабы (богословско-правовые школы), действуют несколько суфийских тарикатов, большим духовным и политическим влиянием обладают шейхи. Преобладающим течением на Северном Кавказе является суннизм, но, поскольку он проникал в регион несколькими волнами из Турции, Крымского ханства, а на западный Кавказ в том числе из Дагестана, то его проявления отличаются разнообразием.

Ханафитский мазхаб распространен на территории Центрального Кавказа, на Северо-Западном Кавказе он доминирует. На Северо-Восточном Кавказе проживают и общины мусульман, придерживающихся шафиитского мазхаба, а в Южном Дагестане – сунниты и шииты имамитского мазхаба.

Кроме того, на Восточном Кавказе (в Дагестане, Чечне и Ингушетии) мусульмане следуют традициям суфийских тарикатов накшбандия, кадирия и шазилия.

Наиболее сложная и мозаичная картина ислама в Дагестане – здесь в разных регионах действуют конкурирующие между собой разные шейхи, их более 20. Самый влиятельный дагестанский шейх Саид-Афанди Чиркеевский, убитый в августе 2012 г., длительное время оказывал серьезное духовное влияние как на авторитетных политиков, бизнесменов, представителей спортивной элиты Дагестана, так и на рядовых верующих. Именно его ученики удерживают контроль над Духовным управлением мусульман Дагестана, сложившийся еще при влиятельном Саиде-Афанди.

Во всех республиках Северного Кавказа в конце 1990-х появились группы салафитов (наиболее значительны по отношению к общему числу практикующих мусульман они в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и в Адыгее), молодежных общин «новых мусульман», ячеек Хизб ут-Тахрир, немногочисленных групп последователей Фетхуллага Гюлена.

Имамы всех этих мусульманских групп – и представители различных мазхабов, и представители так называемого «традиционного ислама», и салафизма – сегодня находятся перед рядом вызовов. В то время, как рядовые мусульмане ждут от них удовлетворения своих религиозных практик, а «новые мусульмане» – ответа на мировоззренческие вопросы, государство также возлагает на них ответственность и определенные ожидания.

Государство в своей конфессиональной политике сделало ставку только на одну группу имамов – на имамов, подконтрольных официальным духовным управлениям. Именно они должны быть инструментами и каналами взаимодействия мусульман, общества и власти, противодействовать радикализации мусульманской молодежи, не допустить проникновения несвойственных кавказской традиции мусульманских течений, контролировать мусульманское образование в своих республиках, следить за организацией хаджа и т.д.

На Северном Кавказе давно уже идет общественная дискуссия о значении и перспективах ислама на Кавказе. Основные вопросы, выносимые на обсуждение, сводятся к тому, как ислам связан с традиционными ценностями и культурой: могут ли ислам и «новые мусульмане» стать ресурсом в политической стабилизации; как легализовать салафитскую традицию; как предотвратить внутриконфессиональный конфликт; как должно быть организовано мусульманское образование; как преодолеть исламофобию в СМИ и обществе. Наиболее интенсивно такая дискуссия публично и открыто ведется в Дагестане: страницы оппозиционного еженедельника «Черновик» стали той публичной площадкой, где встречаются люди разных взглядов, сталкиваются разные подходы. Проявлением этого дискурса стала книга молодой писательницы Алисы Ганиевой «Праздничная гора», роман-псевдоутопия, вызвавшая бурные дискуссии в прессе и блогосфере. Что будет, если Россия решит отделиться от Кавказа и построить огромный Вал – в размышлениях об этом Ганиева рассматривает исламский вариант модернизации Дагестана как возможный политический сценарий. В остальных республиках, где нет оппозиционных изданий, – Северной Осетии, КБР, Адыгее – подобная дискуссия ведется в закрытых сообществах на фейсбуке и на форумах интернет-ресурсов.

Имамы и политика государства

Государство прилагает целенаправленные усилия по формированию поколения новых служителей ислама.

Важным направлением сотрудничества между государственными и мусульманскими организациями в сфере образования стало создание Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, который начал свою деятельность в 2006 г. Фонд учрежден Советом муфтиев России и другими централизованными мусульманскими организациями в сотрудничестве с Администрацией Президента, Аппаратом Правительства, Министерством иностранных дел РФ. Фонд оказывает финансовую поддержку мечетям и местным религиозным организациям мусульман, исламским учебным заведениям. Благодаря поддержке Фонда преподаватели мусульманских учебных заведений получают зарплату, выделяются стипендии лучшим студентам, издается исламская учебная литература и периодика.

На территории Северного Кавказа во второй половине 2000-х гг. при поддержке государства стала создаваться исламская образовательная инфраструктура. По инициативе Совета муфтиев России совместно с Администрацией Президента и Министерством образования и науки РФ разработана Комплексная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Начиная с 2003 г. мусульмане получили возможность поступить по целевому направлению в государственные университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Уфы, Ставрополя, Нижнего Новгорода и других городов и получить образование в соответствии с государственным стандартом высшего образования по специальности «Исламская теология».

На встрече с членами Координационного центра мусульман Северного Кавказа Д.Н. Козак, в то время полномочный представитель президента РФ в Южном федеральном округе, в 2006 г. поддержал предложение исламских лидеров о формировании конкурентоспособной отечественной исламской образовательной инфраструктуры в регионе.

Для последователей различных мазхабов на Северном Кавказе стали создаваться два крупных исламских образовательных центра. Для шафиитов – на базе Северо-Кавказского университета им. Мухаммада Арифа, расположенного в Махачкале; для ханафитов – на базе Исламского института в Нальчике.

На северо-восточный Кавказ работает Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, созданный в Махачкале по инициативе председателя ДУМа Дагестана А. Абдуллаева в 2007 г. Университетский центр интегрировал несколько уже действующих учебных заведений: Северо-Кавказский исламский университет им. Мухаммада Арифа, Институт теологии и религиоведения, Ингушский исламский университет, Чеченский исламский институт им. А.-Х. Кадырова.

Кадры имамов для северо-западного Кавказа готовит Северо-Кавказский исламский университет имени имама Абу Ханифы, образованный при ДУМе Кабардино-Балкарской Республики в июне 2007 г.

По решению Министерства образования и науки РФ пять исламских вузов прикреплены соответственно к пяти государственным вузам. Государственные вузы: Московский государственный лингвистический университет (г. Москва), Нижегородский государственный университет (г. Нижний Новгород), Смольный институт свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань), Северо-Кавказский государственный технический университет. Негосударственные вузы: Московский исламский университет (г. Москва), Российский исламский университет (г. Казань), Российский исламский университет при Центральном Духовном управлении мусульман (г. Уфа), Северо-Кавказский исламский университет имени Абу Ханифы (г. Нальчик), Северо-Кавказский исламский университетский центр (г. Махачкала).

На Северном Кавказе исламские вузы, поддерживаемые Фондом поддержки исламской культуры, науки и образования, – в Чечне, Кабардино-Балкарии (здесь завершается строительство Северо-Кавказского исламского университета в Нальчике) и Дагестане – получают публичное покровительство со стороны глав соответствующих регионов. Руководители духовных управлений Северного Кавказа регулярно встречаются с полпредом СКФО А.Г. Хлопониним, и эти встречи получают широкий резонанс в СМИ.

В то же время в разных регионах Северного Кавказа ислам играет разную роль в государственно-конфессиональных взаимоотношениях. В Чечне глава республики Рамзан Кадыров апеллирует к

исламу как средству дополнительной легитимизации собственной власти и инструменту социальной стабилизации в республике: он лично через Фонд имени Ахмата-Хаджи Кадырова поддерживает ежегодные международные форумы и конференции, посвященные исламу, а также доставку известных исламских реликвий в республику. Не без его одобрения в Чечне практически введен исламский дресс-код для женщин в публичных местах, ДУМ Чечни неоднократно устраивало аттестации имамов, а несколько лет назад в республике была организована борьба с лечебными практиками, основанными на доисламских традициях, в которой принимало участие и МВД. В Чечне действуют т.н. исламские клиники.

В Дагестане в 2011-2012 гг. была предпринята беспрецедентная попытка внутриконфессионального диалога – проведен съезд народов Дагестана, объявивший все религиозные течения, действующие в республике, равными. Отдельного рассмотрения заслуживает деятельность Комиссий по адаптации боевиков (Комиссии по адаптации лиц, желающих прекратить экстремистскую деятельность), работа которых на сегодняшний день практически свернута в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. В их состав входили известные имамы и религиозные активисты.

Классификация имамов

Имамов на Северном Кавказе можно условно разделить на три группы. Первые две инкорпорированы в официальные муфтиаты. Первая группа – это так называемое «традиционное» духовенство, как правило, не получившее высшего специального образования, в основном занимающееся удовлетворением обрядовых практик (написание накыха, обеспечение похоронного обряда, разбирательство семейно-бытовых конфликтов).

Вторая группа – молодые имамы, получившие образование за границей, обычно в Египте, Сирии, Турции и ОАЭ. Необходимо указать, что среди имамов Адыгеи есть представители репатриантов, приехавших на родину из Сирии, Косово и Турции в 1990-е гг.

Третья группа – салафитские имамы, неподконтрольные духовным управлениям. Эта группа является очень влиятельной в Дагестане.

Среди некоторых из них распространен дискурс неприятия государственного аппарата, так как, по их мнению, все государства основаны на человеческих законах, а не божественных. Торжество Законов Аллаха является для салафитов приоритетным. Часто радикальные группы салафитов действительно выступают за то, чтобы свергнуть нынешние правительства и изменить государственный строй.

Имамы духовных управлений подчеркивают необходимость участия в жизни общества, говорят в интервью о необходимости соблюдения законов государства, в котором живут мусульмане, призывают верующих к соблюдению моральных принципов ислама, получению высшего образования. Для имамов западного Кавказа особо важен дискурс взаимоотношения традиционного и религиозного в публичной практике.

Имамы в Республике Адыгея

Адыгея – республика в составе Российской Федерации, расположена в северо-западной части Кавказа и занимает левобережье рек Кубани и Лабы (север республики – на Прикубанской низменности, юг – на склонах Большого Кавказа). Территория Адыгеи составляет 7,8 тыс. кв. км, население по данным на 1 января 2013 г. – 444 403 чел. В республике проживает более 80 национальностей. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. 61,53 % населения – русские, 24,33 % – адыгейцы (западные адыги/черкесы), значительные этнические группы в Адыгее – украинцы (1,33 %) и армяне (3,54 %). Ислам у адыгейцев суннитского толка. Специфика демографической ситуации в Адыгее заключается в преобладании здесь русского населения, что является последствием мухаджирского движения, когда в ходе и после окончания Кавказской войны 94 % адыгского населения переселилось в Османскую империю. Адыгейцы (западные черкесы/адыги) составляют, наряду с современными кабардинцами и черкесами, группу адыгских народов, говорящих на родственных языках адыго-абхазской группы кавказской языковой семьи.

В настоящее время в Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК) входят 12 районных религиозных организаций мусульман, а также 3 городские организации

(г. Майкоп, г. Краснодар и г. Адыгейск). 25 июня 2010 г. в городе Краснодаре состоялось торжественное открытие филиала ДУМ РА и КК. По данным на 2013 г. в собственности религиозных обществ мусульман Адыгеи находится 42 мечети и 2 молельные комнаты в Республике Адыгея (здесь в настоящее время строятся две мечети – в ауле Пшичо и в ауле Афипсип); в Краснодарском крае – 5 мечетей (аулы Кургоковский, Шхашефиж, Канокровский, Тхагапш, Большое Псеушко) и 5 молельных комнат (строится мечеть в Агое).

Служители культа называются в Адыгее имамами и эфенди. Имамы, как рассказал заместитель муфтия РА Ибрагим Шхалахов, отвечают за пятничную хутбу, написание брачных договоров, совершение намаза, а эфенди – за совершение похоронных обрядов. Термин «эфенди» (от турецкого – «господин») для обозначения исламских служителей культа, занимавшихся чтением молитв, обучением детей в школах, организацией похорон, впервые зафиксирован в русских и европейских источниках о Черкесии XVIII – начала XX вв. и существует в черкесском исламском дискурсе и по сей день. Термин «имам» стал актуальным для внутренней документации ДУМ РА и КК в конце 1990-х гг. В Республике Адыгея имамов – 34 человек, эфенди – 33 человека. Из имамов 11 человек получили высшее исламское образование. В Духовном управлении РА и КК отсутствует специальное положение об имамах, однако трудовой договор определяет пределы их компетенций: «руководство за проведением намазов в мечети, контроль за работой муэдзина, написание начахь, ответы на вопросы посетителей, связанные с исламом».

Особую группу имамов в Адыгее образуют адыги-репатрианты. Они, по существу, в 1990-е гг. формировали новый исламский дискурс на Северо-Западном Кавказе. Заметная психологическая и ментальная дистанция между репатриантами и российскими адыгами, сложившаяся в течение более чем 100 лет проживания в различных политических и культурных контекстах, проявлялась в 1990-е гг. прежде всего в уровне образования, возможности обращения в случае спорных вопросов к различным источникам ислама, знании арабского языка¹.

¹ Мос Чениб (родился в Иордании), первый муфтий Республики Адыгея и Краснодарского края; Ахмед Тлипий (родился в Израиле) – военный в отставке, имам г. Майкопа и преподаватель арабского языка в Адыгейском госуниверситете (1993-1996 гг.), участвовал в первых передачах на Адыгейском ТВ об исламе; Фаиз Усман (Аутлев) (родился в

Отличительной чертой мусульманской уммы Адыгеи последних лет является ее «омоложение», появление в ее рядах молодых интеллектуалов – профессоров, преподавателей и аспирантов Адыгейского государственного университета. Профессора АГУ Энвер Шумафов и Асфар Шаов занимаются активной просветительской деятельностью, а также имеют закрепленные трудовым договором с ДУМ РА и КК соответствующие обязанности. В единичных случаях зафиксирован переход в ислам представителей других наций, исторически принадлежащих к иным конфессиям, прежде всего, русских и армян.

Посещаемость мечетей в различных районах Адыгеи неравномерна. Наибольшая религиозная активность, проявляющаяся в посещении молитв и занятий по исламу, наблюдается в городах Майкопе и Адыгейске и крупных населённых пунктах или аулах, расположенных ближе к Краснодару.

Точное количество мусульман, посещающих Соборную мечеть Майкопа, установить не представляется возможным – по оценкам самих имамов, на пятничной хутбе в Соборной мечети бывает до 200-400 мусульман.

Своеобразным центром мусульманской активности стала мечеть п. Яблоновский, сюда в пятницу приходят примерно 300-400 человек. Мечеть в п. Яблоновский по количеству прихожан не уступает Соборной мечети г. Майкопа. По праздничным дням в Курбан-Байрам и Ураза – Байрам верующие вынуждены молиться в два захода, так как помещение не в состоянии вместить всех прихожан сразу. Такой большой поток прихожан обеспечивается не за счёт местного населения, а за счёт мусульман, приезжающих на молитву из Краснодара. Как известно, в краевом центре мечети нет, поэтому

Сирии) – с 2000 г. возглавлял Исламский центр «Читай!» при Соборной мечети г. Майкопа, редактор первого смыслового перевода Корана на адыгейский язык, выпускал книги и брошюры по основам Ислама на адыгском и русском языках; Абази Неджмедин (родился в Милошево, Югославия) – главный имам Республики Адыгея и Краснодарского края и первый заместитель муфтия, преподавал в мечети Адыгейска и в аулах Теучежского, Тахтамукайского районов и г. Краснодаре основы ислама и арабский язык; Нихад Тешев (родился в Сирии) – с 1997 г. старший имам Соборной мечети г. Майкопа; Ахмед Пшипий (родился в Сирии) – имам в п. Энеем; Фахри Хуаж (родился в Турции) – некоторое время был имамом г. Майкопа, читал пятничные проповеди; Нефин Махош (Абид) (родилась в Сирии) – обучала женщин и детей арабскому языку и основам ислама.

мусульмане молятся в ближайшем к Краснодару Тахтамукайском районе, в ауле Новая Адыгея, п. Яблоновский и г. Адыгейске. Этому способствует географическое расположение этих трех населенных пунктов – они находятся вблизи трёх микрорайонов Краснодара, расположенных в разных частях города и наличием транспортных коммуникаций обеспечивающих проезд в Адыгею из Краснодара через мосты по реке Кубань. Во время пятничных хутб Яблоновская мечеть, по оценкам самих имамов, наполняется в основном представителями нечеркесской национальности, адыги в процентном отношении прихожан составляют лишь 10 %.

Представляется, что специфика функционирования мечети в п. Яблоновский и изучение духовной и просветительской деятельности имамов этой мечети нуждается в исследовании как отдельный кейс. Руководство ДУМ РА и КК неоднократно обращалось к губернатору А.Н. Ткачеву с просьбой о необходимости строительства мечети в Краснодаре и Сочи. «На сегодняшний день в Краснодаре более 60 тысяч мусульман, но нет ни одной мечети. Чтобы решить этот вопрос, нужно выделить место для строительства мечети. То же касается города Сочи», – говорил бывший муфтий Нурбий Емиж [Капаева, 2011].

Гораздо меньше исламизированы Шовгенковский и Кошехабльский районы – здесь практически нет молодых людей, которые заинтересованы в изучении ислама. Даже в пятницу в таких аулах, как Пшичо, Пшизов, Хатажукай, Блечепсин, Ходзь, в мечети не проводится проповедь. В мечети Панахеса собирается около 20-25 человек. Практически пустует мечеть в ауле Нешукай Теучежского района: это «единственная мечеть в двух соседних районах – Теучежском и Тахтамукайском, где не совершает молитвы ни один житель населённого пункта ни в пятничные дни, ни в праздничные»¹.

Имамы Адыгеи в публичных дискурсах 1990-х – 2000-х гг.

В 1990-е гг. ДУМ РА и КК большую часть своей деятельности посвящало решению обрядовых вопросов – регламентации похоронной обрядности, отмене сорокадневных поминок, упорядочению заключения *накыха* (брачного договора) и т.д. Мусульманское кладбище в г. Майкопе

¹ Полевые материалы автора. Интервью с имамом Ибрагимом Шхалаховым.

было открыто еще в 1990 г. Формирующаяся традиция организации пространства кладбища включала в себя как собственно мусульманские элементы (коранические надписи на арабском языке), так и элементы, заимствованные из русской культуры (посадка цветов и деревьев на могилах, портретные изображения на могильных памятниках, надписи на русском языке). Причем зачастую пропагандистское обеспечение этих, безусловно, важных и необходимых инициатив ДУМ значительно превосходило их актуальность для ситуации конца 1990-х гг.

Летом 2005 г. в связи с инициативой Общероссийского благотворительного Фонда Николая Чудотворца в столице Адыгеи – Майкопе – началось строительство девятиметрового памятника этому православному святому. Строительство памятника вызвало протест национальных черкесских организаций, среди активистов которых было немало прихожан Соборной мечети Майкопа. В дискурсе адыгских национальных движений возведение памятника Николаю Чудотворцу конструировалось как вторжение «чужой» культуры, а православие и имперская идеология оказывались неотделимыми друг от друга понятиями. Строительство памятника сопровождалось пикетами представителей «Черкесского конгресса», одной из общественных организаций, созданной в 2004 г., и повлекло за собой бурную дискуссию на круглом столе в Администрации г. Майкоп, а затем и было приостановлено на этом месте. Строительство памятника было возобновлено на новом месте – на территории воинской части, чья земля, соответственно, находится в федеральной собственности.

В современном исламском дискурсе Адыгеи, гораздо более сложном по сравнению с периодом 1990-х гг., тема обрядовой регламентации также занимает особое место.

Некоторыми имамами Адыгеи была негативно воспринята попытка возрождения традиционного черкесского Нового года, инициированная властями республики. На пятничных проповедях они говорили о недопустимости участия мусульманина в празднике, т.к. он «является языческим обрядом и не имеет никакого отношения к Исламу, вследствие чего участие в нем является харамом, то есть запретным для мусульман» [АдыгеяИслам, 2009]. Имам Анзор Дзеукожев говорил о том, что «попытки навязать адыгам обычай справлять языческий праздник являются оскорблением их предков-

мусульман, отказавшихся от язычества, чьей кровью обогрена вся адыгская земля, и которые покинули свою родину ради сохранения верности Слову Аллаха».

Неоднозначную реакцию у представителей ДУМ РА и КК вызвал недавно установленный в Майкопе рядом с Соборной мечетью Монумент Памяти и Единения, посвященный павшим в Кавказской войне. На этапе обсуждения руководство ДУМ РА и КК несколько раз высказывалось против размещения символов черкесского языческого пантеона на этом обелиске на том основании, что памятник стоит практически рядом с мечетью, символизирующей торжество монотеизма.

Мусульмане и имамы

Мотивации мусульман, посещающих мечети Адыгеи, различны. Кроме отправления религиозных практик, для, например, студентов из Восточного Кавказа (Чечни и Дагестана), Турции, Сирии, Мали, Чада, Йемена, Афганистана, важно поддержание через мечеть связи со своей культурой и земляками. Их ожидания от имамов определяются тем, что имам воспринимается как руководитель молитвой, в меньшей степени как учитель и советчик.

«Новые мусульмане» ожидают от имамов, чтобы они обосновали рациональность выполнения ритуальных практик и, с другой стороны, вдохновили их на духовные поиски, на саморазвитие. Для этой группы мусульман имам – не только руководитель молитвы, лидер сообщества, он несет ответственность за существование ислама в светском государстве и обществе. «Имам – политик. За ним идут люди. Он может смягчить позицию мусульман. Наши имамы не дали развиваться тем явлениям, которые распространены в Дагестане», – сказал в интервью один из прихожан Соборной мечети г. Майкопа.

Конкуренция религиозных авторитетов

Авторитет имамов безусловен. На Северном Кавказе претерпевает динамику представление о возрасте и о самой категории «старшие мужчины». Для религиозной молодежи большим авторитетом

будут религиозные деятели, возраст которых неважен, зато важны знания и лидерские качества, которыми могут обладать и ровесники «молодых мусульман». «Я с удовольствием обращусь к имаму, который младше меня по возрасту, если он компетентно ответит на мой вопрос», – сказал в интервью один из работников ДУМ РА и КК.

Для небольшой части молодых мусульман авторитетами являются не имамы в своей мечети, а исламские ученые, которые могут находиться за тысячи километров от них, так называемые «электронные имамы».

Масса молодых людей в регионе сегодня несколько часов в день проводят в интернете и имеют возможность ознакомиться с фетвами имамов и шейхов, живущих за многие тысячи километров. Сегодня можно ходить в одну мечеть, но быть единомышленником имама, живущего не только в другом регионе России, но и в другом государстве. Это новая тенденция, которая проявляется на всем Северном Кавказе, и в Адыгее в меньшей степени. Заслуживает отдельного внимания феномен молодежных джамаатов в Адыгее. Они интегрированы в ДУМ РА и КК, и не наблюдается тенденции их радикализации. Тогда как, например, в КБР и Дагестане молодежные джамааты, независимые от своих духовных управлений, демонстрируют тенденцию к радикализации; поиск социальной справедливости, действительно, вовлекает в их орбиту многих молодых людей, сталкивающихся с коррупцией, невостребованностью традиционных религиозных авторитетов и беспомощностью традиционных механизмов социальной регуляции. Приток молодых людей в эти джамааты и переход под влияние имамов, неподконтрольных ДУМам, скорее выражает их протест против современных порядков на Северном Кавказе.

Библиография:

АдыгееИслам. «Празднование Навруза оскорбляет национальную память адыгов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adigeyaislam.com/ru/files/index.php?page=newsdetail&newsID=109>

Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарии. – М.: Логос, 2009. – 136 с.
Добаев И.П. Мусульманское образование в России и на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. – 2008. – № 5.

- Капаева А. Российские муфтии заявляют, что диалог с президентом стал более доверительным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/188642>
- Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М.: ОГИ, 2004. – 221 с.
- Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М.: ЦСиПИ, 2000. – 84 с.
- Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
- Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – 2003. – № 2(21). – С. 5-31.
- Sagramoso, D. (2009), “Islamic Radicalism in the North Western Caucasus”, in G. Yemelianova (Ed.), *Islamic Radicalism in the Former Soviet Space*, Routledge, London.

References:

- AdigeyaIslam. (2009), “Prazdnoanie Navruza oskorbliaet natsionalnuiu pamiat adigov”, Adigeyaislam.com, available at: <http://www.adigeyaislam.com/ru/files/index.php?page=newsdetail&newsID=109> (accessed 10 December 2013).
- Akkieva, S. (2009), *Islam v Kabardino-Balkarii*, Logos, Moscow.
- Dobaev, I. (2008), “Musul'manskoe obrazovanie v Rossii i na Severnom Kavkaze: sostojanie, problemy, perspektivy”, *Jekonomiko-geograficheskij vestnik Juzhnogo federal'nogo universiteta*, No. 5.
- Капаева, А. (2011), “Rossiiskie muftii zaiavliaiut, chto dialog s prezidentom stal bole doveritelnim”, *Kavkazskii uzел*, available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/188642> (accessed 23 December 2013).
- Kisriev, Je. (2004), *Islam i vlast' v Dagestane*, OGI, Moscow.
- Makarov, D. (2000), *Oficial'nyj i neoficial'nyj islam v Dagestane*, Moscow.
- Malashenko, A. (2001), *Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza*, Gendalf, Moscow.
- Sagramoso, D. (2009), “Islamic Radicalism in the North Western Caucasus”, in G. Yemelianova (Ed.), *Islamic Radicalism in the Former Soviet Space*, Routledge, London.
- Yarlykapov, A. (2003), “Islamskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze v proshlom i nastojashhem”, *Vestnik Evrazii*, No. 2(21), pp. 5-31.